

УДК 94:327(477.7)

РУССКО-КРЫМСКИЙ ПОСОЛЬСКИЙ СЪЕЗД ПОД ЛИВНАМИ ОСЕНЬЮ 1593 ГОДА

© 2015 г. А.В. Виноградов

Статья посвящена поворотному моменту в русско-крымских отношениях последней четверти XVI века – русско-крымскому посольскому съезду под Ливнами, на котором было достигнуто предварительное мирное соглашение между Крымским ханством и Русским государством, закрепленное через полгода бахчисарайским договором 1594 года

Ключевые слова: русско-крымские отношения, Крымское ханство, посольский приказ, Гирей.

Позиция сторон летом 1593 года

К лету 1593 года русско-крымские отношения подошли к очередному повороту: продолжавшаяся с осени 1591 года взаимная дипломатическая игра двух сторон исчерпала себя; ситуация в двусторонних отношениях требовала принятия серьезных решений. Ключевой проблемой по-прежнему являлась отпуск в Крым вдовы Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея Ертуган, который должен был сопровождаться ликвидацией весьма опасного как для правящего хана, так и в целом для династии Гиреев «очага» крымской эмиграции, сложившегося на территории Русского государства во второй половине 80-х гг. Правительство московского царя Федора Ивановича во главе Борисом Федоровичем Годуновым, в руках которого сосредотачивались все нити руководства внешней политикой Русского государства, готово было пойти на «отпуск» Ертуган и даже части крымской эмиграции при условии принятия на себя обязательств крымской стороны об отказе от нападений на Русское государство. Шедшие в течении второй половины 1591 г. и всего 1592 г. «ссылки» между Москвой и Бахчисараем не привели к компромиссному решению (Виноградов, 2014, с. 18–39). Неопределенная ситуация в отношениях с Москвой усугублялась для хана Гази-Гирея II позицией Порты в вопросе о его дальнейшем нахождении на крымском престоле. Это, в свою очередь, зависело от политики Порты в отношении Русского государства, которая несла в себе определенные противоречия, что проявилось при активизации русско-османских дипломатических контактов с конца 1592 г. (посольство в Стамбул Г.Нащокина, ответная миссия в Москву Резвана чавуша), о чем было прекрасно известно в Бахчисарае¹. Порта была серьезно обеспокоена усилением позиций Русского государства на Кавказе и активизацией действий донского казачества против османских владений в низовьях Дона, в которой она не без оснований усматривала «руку Москвы» (Смирнов, 1946, т. 1, с. 148–149). С другой стороны, в Стамбуле уже к началу 1593 г. было принято решение о начале войны против австрийских Габсбургов. В этих условиях переговоры Г.Нащокина с великим везирем Синан-пашой выявили серьезную озабоченность Порты дипломатическими контактами Москвы с австрийскими Габсбургами. С 1592 года они, как известно, стремительно развивались. К моменту отбытия в Стамбул Г.Нащокина в Москве уже было известно о готовящемся посольстве М.Варкоча. Русский посланник в Стамбуле эти контакты не отрицал, так же как и продолжающиеся «ссылки» Москвы с Сефевидами, но согласно данному ему «наказу» подчеркивал, что русская сторона не намерена идти на открытой конфликт с Портой. В этом контексте Г.Нащокин также подтверждал продолжающиеся интенсивные «ссылки» Москвы с Крымом с тем, чтобы добиться «мира и дружбы» с ханом Гази-Гиреем II. Весной 1593 г. «ссылки» Москвы с Бахчисараем действительно активизировались: после приезда в Москву гонца Джан-паши мурзы в апреле в Крым был отправлен посланник С.Безобразов. Его миссия, завершившаяся на посольском съезде под Ливнами в ноябре 1593 г., привела к реальным сдвигам в русско-крымских отношениях (Виноградов, 2014, с. 40–44).

Позиция крымского хана Гази-Гирея II, разделяемая в целом лояльными ему остававшимися в Крыму представителями дома Гиреев и большей части политической элиты ханства, определялась необходимостью урегулировать отношения с Москвой до выступления крымской орды на театр

¹ Г.Нащокин традиционно в Стамбул и обратно следовал через Кафу.

военных действий против австрийских Габсбургов в Центральную Европу. Неизбежность вовлечения Крыма в начинавшийся военный конфликт стала очевидна после получения в конце июля – начала августа 1593 года послания хану от великого везира Синан-паши (Там же, с. 44).

Установление «доброего дела» между Москвой и Бахчисараем крымская сторона при активизации весной и летом 1593 г. русско-крымских дипломатических связей (миссия посланника С.Безобразова в Крым и ответная миссия посланника Ямгурчея аталыка в Москву) «официально» обуславливала следующими требованиями, частично ультимативного характера:

- отпуск вдовы Мурад-Гирея и Сеадет-Гирея Ертуган и всех лиц, входивших в состав ее «двора», и вообще всех «ближних людей» Мурад-Гирея, остававшихся в Русском государстве;
- выплата «предварительных поминок» и «запросов», как в материальном так и в денежных эквивалентах во время посольского размена для немедленной отсылки их в Крым;
- принятие на себя Москвой обязательств фиксированных выплат «поминок» после заключения русско-крымского «докончания» в Крыму.

Личная позиция хана Гази-Гирея II, обозначенная в его «тайных посланиях» как на имя государя Федора Ивановича так и на имя Б.Ф.Годунова (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 20, лл. 30 об.–35 об., ед. хр. 18, лл. 234 об.–238) и во время «расспросов» 31 июля 1593 г. посольским дьяком А.Я.Щелкаловым, доставлявшим эти послания его эмиссара Ямгурчея-аталыка (Там же, ед. хр. 21, л. 19–20), связывала получение «запросов» в денежном эквиваленте с устойчивостью его положения на престоле. При этом если весной 1593 года речь шла о планах его смещения инспирируемых при султанском дворе его братьями Алп-Гиреем, Сахиб-Гиреем и Мубарк-Гиреем, в случае реализации которых он предполагал покинуть Крым и просить, как и его племянники в 1584–1586 гг., политической и даже военной поддержки Москвы, то к осени акценты в позиции хана изменились. Гази-Гирей II опасался, что после его отбытия на театр военных действий Москва может в какой-либо форме прийти к соглашению с габсбургской дипломатией и организовать нападения либо на «крымские улусы», либо на османские владения. В этом случае связанный установленным «доброем делом» с Москвой хан неизбежно будет смещен с престола Портой и физически уничтожен. Впрочем, все это проявилось только весной 1594 года после прибытия русского посольства князя М.А.Щербатова в Крым.

Позиция различных кланов крымской знати в отношении установления «доброего дела» с Москвой определялась по традиции стремлением взять под свой контроль ход русско-крымских «ссылок» с целью получения максимальных «материальных выгод». В лету 1593 года это ярко проявилось в интригах беков Дербиша Кулюкова и Ахмед-паши Яшлавского. Однако была еще и жесткая позиция Мансуров, возглавляемых Арсланаем «Дивеевым», клан которых находился на пике своего политического влияния.

Арсланай стремился строить свои отношения с Москвой практически самостоятельно, благо в его распоряжении находился сын Ертуган Девлет-Гиреей, отправленный к нему ханом фактически в качестве заложника.

Все это прекрасно осознавалось руководителями русской дипломатии – лично Борисом Федоровичем Годуновым, полностью державшим в своих руках ход русско-крымских ссылок и действующим с ним в теснейшей координации посольским дьяком Андреем Яковлевичем Щелкаловым. Общие контуры русской позиции были определены уже при отправлении С.Безобразова. Русская сторона дала согласие на неоднократно выдвигаемое с 1591 года предложение хана Гази-Гирея II обусловить проведение посольского размена проведением посольского съезда. Эта особая форма дипломатических «ссылок», при которой крымская сторона брала на себя предварительные обязательства отказа от враждебных действий в отношении Русского государства при условии немедленной передачи уже при посольском размене значительного количества «материальных ценностей» как в форме «поминок» Гиреям так и «жалования» крымской знати, была уже опробована в 1582 гг.

Согласование позиции по проведению посольского съезда

Вопрос о проведении посольских съездов уже давно рассматривался в переписке московских государей и крымских ханов.

Эта особая форма дипломатических переговоров начала активно практиковаться в последней четверти XVI века как в отношениях с Крымом, так и с Речью Посполитой. В дипломатических связях Москвы с Крымом посольские съезды зародились из формы размена посольств с сопутствующими переговорами. Инициатива этого принадлежала клану беков Яшлавских – московских

«амиаиатов « князей Сулешевых», которые, по замечанию С.О.Шмидта, уже в первой половине XVI века с целью убыстрения обмена посольствами выезжали к Путивлю, не дожидаясь приезда в Крым русского гонца с известиями, что русское посольство уже снаряжено и готово выехать навстречу крымскому (Шмидт, 1961, с. 373). В сентябре 1540 г. был предпринят первый опыт посольского размена с участием специального крымского представителя: «князь» Салимша сопровождал к Путивлю посольство Тагалды-мурзы для размена с посольством князя А.В.Кашина-Оболенского и отпускаемым крымским посольством своего брата «князя» Сулеша. С русской стороны размен осуществлял «Иван Ильин сын Челищев», специально отправленный к Путивлю 9 августа 1540 г. (ПСРЛ, т. 13, с. 133). В эпоху Девлет-Гирея I, особенно после 1563 г. сложилось положение по которому посольский размен становился прерогативой рода «Сулешевых». Тогда «князь» Сулеш, столкнувшись с трудностями при организации размена посольства А.Ф.Нагого с задерживаемом в Москве посольством Джан-Болды при одновременном размене новыми посольствами предложил, чтобы его сын Мурад-мурза отправился «проводить» отпускаемое русское посольство к Путивлю и остался бы там дожидаясь отпущенного крымского посольства. Предложение, в принципе одобренное Иваном Грозным, было не реализовано, но к нему вернулись после 1576 г., в период нахождения в Крыму посланника Е.Л.Ржевского. Мураду «Сулешеву», уже в качестве главы клана Яшлавских, удалось к осени 1577 г. достигнуть одобрения этой формы посольского размена с его участием ханом Мухаммед-Гиреем II. Сам Мурад был назначен ханом «разменным» послом. Предусматривалось, что в случае успешного проведения посольского размена, он получит значительное «жалование». При этом с формальной стороны «князь» Мурад, прежде всего, заботился о безопасности посольского размена, так как и крымские и русские дипломаты подвергались в это время нападениям запорожских казаков. Первый посольский размен с участием «князя» Мурада – посольств Тягриберди-мурзы и князя В.В.Масальского – был сорван в феврале 1578 г. по вине крымской стороны, второй через несколько месяцев увенчался успехом. К сожалению, ход подготовки русской стороны к посольскому размену сохранился в составе русской посольской документации только за период январь и февраль месяцы 1578 г. в составе пятнадцатой крымской посольской книги в виде «наказной памяти» посольству князю В.В.Масальскому и многочисленных указных грамот путивльским воеводам. Русскому посольству вместе с отпущенными крымскими гонцами во главе с Девлет-Килдеем по прибытии в Путивль предписывалось находиться под усиленной охраной и не выезжать к реке Сейм (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 15, л.60). В случае, если ко времени их прибытия в Путивль уже будет известно, что крымское посольство находится на Сейме, к нему следовало отправить служивых татар с тем, чтобы договориться о дне размена (Там же, л. 60 об.). В случае желания Мурада Яшлавского немедленно осуществить размен следовало не препятствовать (Там же, л. 61 об). Русское посольство к месту размена должен был сопровождать значительный «эскорт» (Там же, л. 63 об.–64). Такой же «эскорт» должен был сопровождать от Сейма к Путивлю крымское посольство. В случае, если крымцы на Сейм не подойдут, следовало отправить им на встречу служивых татар, которые должны были «дождаться вестей» об их приближении. Сам размен следовало провести «не мешкая» (Там же, л. 64–64 об.). Однако «князю» Мураду необходимо было тотчас же вручить «государево жалование». Желательно, чтобы это жалование «в полном объеме» было доставлено ему с его «человеком»- гонцом, который находился среди прочих отпускаемых вместе с ханскими дипломатами представителей крымских кланов. В случае если, он не будет его дожидаться, «князю» Мураду следовало вручить только «кречатов». Кроме того, ему предназначались и «шубы», но они хранились в основной «посылке» – «казне», которая находилась под наблюдением дьяка А.Щепилова. (Там же, л. 65–65 об.). Кстати, «казну» следовало до последнего момента оставлять в Путивле. На размен отводился один день, при этом «князю» Мураду необходимо было прочитать речь «по государеву наказу». «Разменный посол» с русской стороны в при предполагаемом в начале 1578 г посольском съезде назначен. не был. Следующий размен посольств крымского во главе с его братом Арасланом и русского во главе с князем В.В.Масальским прошел в августе 1578 г. на реке Сейм под Путивлем.

Материалы по проведении посольского размена в августе 1578 г. в русской посольской документации отсутствуют, но отрывочные сведения о нем содержатся в донесениях князя Ф.И. Хворостинина о проведении посольского съезда в Ливнах 1593 г. Посольский размен занял один день и предварялся неоднократными уведомлениями крымцев о своем следовании к реке Сейм. «Князю» Мураду в качестве «разменного посла» от хана был придан вооруженный «эскорт» в несколько тысяч человек. Успех посольского размена, правда, в дальнейшем был сведен на нет фактическим провалом посольства Араслана-мурзы «Сулешева», но, тем не менее, оказал сильное воздействие на дальнейший ход дипломатических «ссылок».

Следующий посольский размен осуществился весной 1582 г. около Путивля, но о нем имеются только отрывочные сведения, главным образом, из разрядов и вновь из русской документации, посвященной подготовке и проведению посольского съезда осенью 1593 г. С русской стороны за него был ответственен думный дворянин Андрей Федорович Нагой (РК, 1550–1636, с. 342) и второстепенный дьяк Иван Шемякин (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 175 об.). С крымской стороны за размен вновь отвечал Мурад Яшлавский (РК, 1550–1636, с. 343).

Как и посольство князя В. В. Масальского в 1578 г., в 1582 г. «князь Михайло Федорович з государевою казною» стоял в Путивле и в «литовских в украинских» городах (Там же, с. 343). Посольство князя М.Ф.Барятинского было снаряжено основательно: «Послал государь в Крым посла своего князя Михаила Федоровича Борятинского. Да с ним дьяка Семейку Емельянова; да в дворенех брэнченом Василья Александра да из Смоленска Дмитрия Шушерина, да в провожатых до крымских улусов Офонасья Зиновьева с казаки да Офонасья Тютчева с стрельцы» (Там же, с. 342).

Фактически посольский размен 1582 г. завершился катастрофой – посольство князя М.Ф.Барятинского было погромлено запорожцами.

Посольский размен 1582 года уже отчетливо имел черты посольского съезда – помимо того что «для розмены» в Путивль был послан А.Ф.Нагой, «с ним же прислан з государевым жалованием, с платьем ко князем и мурзам, которые присланы на розмену, стряпчий Василий Борисов сын Сукин (Там же). В 1578 г. посольский размен проводил только Мурад «Сулешев», а в 1582 г. в нем участвовали представители и других крымских кланов. Достоверно известно, что там были Кулюковы – «князь Дербышевы дети» (Там же). Значительное количество «государева жалования», присланного специально представителям «крымской знати», прибывшим для «розмена», стало отныне непременным атрибутом последующих посольских съездов – разменов.

С 1589 г. крымская сторона уже стремится поставить вопрос о проведении посольских съездов в практическую плоскость. В посланиях хана Гази-Гирея II Б.Ф.Годунову и царю Федору Ивановичу предлагается предварить посольский размен переговорами с ответственными лицами московской администрации, причем крымская сторона даже настаивает на участии в них самого Б.Ф.Годунова. Со своей стороны, хан предлагает сначала кандидатуру Мурада Яшлавского, затем своего «первого министра» Моллакая Алея аталыка, потом его брата Монаш дувана и, наконец, вновь «князя» Мурада и «князя Дебыша Куликова». Для Мурада «Сулешева» организация посольского съезда превратилась в основную задачу. Его целью было окончательное утверждение этой прерогативы за его кланом. Усилия главы рода «Сулешевых» увенчались только частичным успехом. Москва в принципе приняла весной 1591 г. крымские предложения, но допускала, что они могут быть всего лишь отвлекающим маневром при предполагавшемся крымском нападении, что и произошло. Тем не менее, весной 1591 г. Мурад Яшлавский вместе с Дербышем Кулюковым действительно находился в районе Молочных вод с крымским посольством, что подтверждают донесения русского гонца Ивана Бибикова. Есть все основания предполагать, что он действительно должен был, в случае успеха крымского нападения, предъявить русской стороне крымские требования на посольском съезде. События развернулись, как известно, по другому сценарию: поход окончился неудачей, а сам Мурад умер при возвращении в Крым.

Тем не менее, вопрос о проведении посольского съезда по-прежнему являлся основой урегулирования русско-крымских отношений и главным предметом сложных переговоров дипломатических представителей двух сторон и в Москве и в Бахчисарае. В конце 1591 г., с приездом крымских эмиссаров Ямгурчей аталыка и Ибрагима Ази, крымская сторона начала осторожный зондаж относительно условий нового посольского съезда-размена. Подобная инициатива была весьма сдержанно встречена Б.Ф.Годуновым, однако в течении 1592 г. перспектива проведения посольского съезда стала приобретать реальные очертания.

В Бахчисарае позиция русской стороны была изложена при переговорах русского гонца М.Протопопова в мае – августе 1592 г. Русский гонец напомнил, что инициатива проведения переговоров «ближних людей» крымского хана и московского государя принадлежала крымской стороне: из послания, доставленного гонцом Аллобердеем в июле 1590 г., следовало, что хан «вскоре хотел отпустить ближнего своего человека Молла Аллея аталыка, и с ним вместе «в послех хотел послати Монаш Дувана к нашему украинному городу к Ливнам» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 19, л. 287). Протопопов напомнил также о напрасном ожидании посольства И.В.Траханионова в Новосили и затем в Ливнах вместе с назначенным для переговоров при размене окольничим С.Ф. Годуновым (Там же, л. 287 об.). Добрая воля Москвы проявилась в согласии на повторный съезд – размен после миссии в январе 1591 г. «князя» Иссея Кипчакского (вновь с посольством Монаш Дувана). Правда, ввиду смерти И.В.Траханиотова послом был назначен князь

М.А.Щербатов. При этом с русской стороны переговоры при размене должен был вновь вести С.Ф.Годунов вместе с казначеем Дементием Ивановичем Черемисовым, а хан назначил князей Мурад «Сулешева» и Дербыша «Куликова» (Там же, л. 288–288 об.). На этот раз русская сторона указала конкретные сроки: размен должен был состояться до мая месяца (Там же, л. 289). Вместо размена последовало нападение крымской орды на Москву. Озвученная Протопоповым внушительная история попыток проведения в 1590–1591 гг. русско-крымских посольских съездов-разменов предваряла требование гарантий со стороны хана в том, что, в случае согласия русской стороны посольский съезд-размен будет проведен «надлежащим образом». Собственно это же требование сохранилось и в грамотах хану от лица Федора Ивановича и от Б.Ф.Годунова.

Позиция Москвы была «услышана», но условия проведения посольского съезда опять не были согласованы. Впрочем, обе стороны уже четко определились в том, что без проведения посольского съезда посольский размен не состоится. После переговоров в Москве с очередным крымским эмиссаром Джан-пашой мурзой Б.Ф. Годунов отправил в апреле 1593 г. посланника С.Безобразова для определения конкретных намерений крымской стороны. Летом 1593 г. вопрос о посольском размене и посольском съезде был поставлен на практическую плоскость.

Окончательное решение о проведении русско-крымского посольского съезда было принято в ходе переговоров Б.Ф.Годунова с Ямгурчеем аталыком в контексте общей дипломатической ситуации в Москве в августе – октябре 1593 года.

Б.Ф.Годунов, считавший «приоритетным направлением» внешней политики Русского государства завершение конфликта со Шведской Коронай при сохранении перемирия с Речью Посполитой, считался и с усилившейся активностью габсбургской дипломатии в отношении Москвы с целью создания под эгидой австрийских Габсбургов единой антиосманской коалиции, включающей Русское государство и Сефевидов. Однако летом 1593 г. Борис Федорович убедился, что Сефевиды не будут возобновлять военную конфронтацию с Портой. В этих условиях конфронтация с Портой представлялась Годунову опасной и несвоевременной. Все склоняло фактического правителя Русского государства к установлению «добротного дела» с Крымским ханством.

Хотя позиция Бориса Федоровича Годунова была определена им во время его личных переговоров с Ямгурчеем аталыком, на нее, несомненно, повлияли переговоры с послом Сефевидов Хорсровом, затем в октябре – с имперским послом Варкочем. Кроме того, Годунов имел возможность использовать информацию, предоставленную вернувшимся из Стамбула Г.Нащокиным.

Позицию Б.Ф. Годунова при решении провести посольский съезд и направить в Крым посольство с целью заключения русско-крымского договора, судя по всему, определяли следующие соображения:

- необходимость урегулирования отношений с Крымом в долгосрочной перспективе при любом развитии событий, несмотря на судьбу правящего хана;
- использование фактора урегулирования отношений с Крымом при контактах с Портой;
- стремление направить «набеговую активность» Крыма в сторону Речи Посполитой в условиях начинавшейся войны Порты с австрийскими Габсбургами.

В «геополитическом отношении» Борис Федорович, исходя из результатов переговоров с имперскими и персидскими дипломатами, вероятно, считал, что вопрос о присоединении Русского государства к антиосманской коалиции следует рассматривать в ближайшей перспективе только гипотетически. Поэтому отвлечение сил Крымской Орды в Центральную Европу, причем на длительный период, представлялось весьма благоприятным фактором для активизации московской политики на других направлениях. Тем не менее, следовало учитывать любое развитие событий, включая очередную «ссору великую в Крымском юрте». В любом случае урегулирование отношений с Крымом должно было сопровождаться «тайными ссылками» с Гази-Гиреем II.

Годунов, несомненно, полагал, что русско-крымское урегулирование не должно было влиять на проведение активной политики на Кавказе. Мало того, он считал, что в условиях отвлечения Порты в Центральную Европу военно-политическая активность Москвы на Кавказе должна быть усилена. Показателем этого явилось отправление на Терек между июнем и началом сентября 1593 года значительных военных сил (до 15 тыс. человек) под командованием князя А.И.Хворостинина. Символично, что жесткую позицию Москвы относительно военного присутствия Москвы на Тереке на русско-крымском посольском съезде в ноябре 1593 г. излагал его брат князь Ф.И. Хворостинин.

Подготовка посольского съезда русской стороной в сентябре-октябре 1593 года

28 августа последовали переговоры Ямгурчя аталыка и Б.Ф.Годунова, на котором было окончательно согласовано проведение посольского съезда (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 54). Вскоре это решение о проведении посольского съезда было оформлено «приговором государя с бояры» (Там же, л. 63–64).

Фактическое исполнение «приговора» затянулось, с одной стороны, в связи с неопределенностью политического положения в Крыму, связанного с противоречиями между различными крымскими кланами, с другой стороны – в связи с напряженными дипломатическими переговорами, которые шли в Москве с имперским посольством Варкоча (Виноградов, 2014, с. 47–48).

В начале сентября последовали новые переговоры Ямгурчя аталыка с А.Я.Щелкалова на которых были выработаны дополнительные условия проведения посольского съезда и размена, в частности, предварительное приведение к шерти Ибрагим-паши – мурзы Яшлавского (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 64 об.–75). Одновременно с середины сентября подготавливался отпуск «царицы» Ертуган (Беляков-Виноградов, 2013, с. 48)².

В конце сентября в Москву были доставлены подлежащие отпуску крымские гонцы, в том числе Аллабердей «Сулешев», присланный в 1590 году для организации сорванного по вине крымской стороны посольского размена. А.Щелкалов уведомил его о предложении крымской стороны, причем информировал, что снаряженное еще в начале 1591 г. русское посольство до сих пор стоит наготове в Калуге и Болхове. В ответ Аллабердей посоветовал не затягивать размен до прихода «больших снегов». Затем последовал «приговор» о переводе в Москву части людей Мурад-Гирея. И все же русская сторона выжидала развития событий. Наконец, 1 октября в Ливны прибыли русские полоняники с известием, что крымское посольство вместе с С.Безобразовым вышло из Перекопа, а перед ним в Москву послан ханский эмиссар «князь Баубек Киятский». Имя нового крымского посла, правда, известно не было, но размен был возложен ханом на Ахмед-пашу мурзу «Сулешева». 4 октября в Ливны действительно прибыл «князь» Баубек с русским служилым татаринном, который доставил грамоты от С.Безобразова. Правительство уведомила воеводу С. Бутурлина о задержании в Ливнах крымских эмиссаров до получения точных сведений. Только после прибытия в Ливны толмача от С.Безобразова с подробными известиями вместе с очередным ханским гонцом и «человеком» от Ахмед-паши «Сулешева» Аллабердеем состоялся «приговор» об отправлении посольства князя М.А.Щербатова. В Ливны Бутурлину были даны новые инструкции – направить навстречу крымскому посольству детей боярских с уведомлением о скором прибытии к реке Сосна русского посольства. В случае задержки следовало сослаться на неясность намерений крымской стороны. Тем не менее, эмиссара Ахмед-паши «Сулешева» следовало не отпускать обратно навстречу крымцам, а содержать в Ливнах в «остроге» под строгим надзором («бережно»). Ханский посланник «князь» Баубек должен быть отправлен в Болхов, далее в Калугу и не допущен до Москвы. Потом его распорядились неспешно вести к Боровску. Гонца, отправленного от приближающегося к Ливнам посольства, сначала задержали в Калуге, а затем, до прояснения обстановки, также назад отправили в Болхов. Все это было изложено в целом потоке указных грамот ливенским и калужским воеводам, различным приставам (Там же, л. 120 об.–123, 125–127, 137 об.–138 об.; ИТУАК, №15, с. 92, 92–93, 93, 93–94). Кажущаяся хаотичность распоряжений русского правительства имела глубокие причины: стремление обеспечить предполагаемый отпуск знатных крымских эмигрантов и полоняников гарантиями достижения соглашения на фоне борьбы крымских кланов.

Напряженная обстановка ощущалась и среди отпускаемых крымских дипломатов. Это весьма ярко проявилось в ходе отпускной аудиенции у государя Ямгурчя аталыка и Аллабердея-мурзы «Сулешева» 16 октября. На аудиенции в объемной «речи» А.Я.Щелкалов изложил позицию русской стороны: крымские дипломаты отпускаются вместе с «царицей» Ертуган и «со всеми царевичевыми людьми»; брат Ахмед-паши «именитый московский пленник» Ибрагим-паша также отпускается; отпуск сына бека Дербыша Кулюкова Пашая-мурзы отдается «на его волю» (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 139–140). Далее А.Я.Щелкалов объявил крымцам о назначении «разменными» послами князя Ф.И.Хворостинина и Б.Я.Бельского, которые должны привести к шерти под Ливнами Ахмед-пашу. В дальнейшем предполагается заключение «докончания», Московское по-

² «Приговор» об отправлении за «царицей» переводчика В.Степанова датирован 15 сентября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед.хр. 20, л. 75). Выехали В.Степанов и приставы 20 сентября (Там же, л. 77 об.). В октябре Ертуган была доставлена в Москву.

сольство повезет в Крым «великие поминики» (Там же, л. 140–140 об.). В тот же день крымцы были препровождены в «Посольскую палату», где А.Я.Щелкалов «явил» им Ибрагим-мурзу «Сулешева» и Пашая-мурзу «Куликова» (Там же л. 145). Последовали длительные препирательства (Там же, л. 145 об.–151 об.). Пашай-мурза определенно сказал, что он остается в Москве. Аллабердей-мурза занял агрессивную позицию и заявил, что тот остается насильно. Мало того, он поставил ход посольского съезда в зависимость от отпуска Пашая-мурзы. Обстановка накалялась. А.Я.Щелкалов жестко осаживал Аллабердея-мурзу. Ямгурчей аталык осторожно пытался утихомирить «коллегу», но безуспешно. В ответ А.Я.Щелкалов намекнул на возможность пересмотра решения об отпуске Ибрагим-мурзы. Наконец, А.Я.Щелкалов, обвинив Аллабердея-мурзу в намеренном срыве «доброего дела», отпустил всех крымцев, кроме Ямгурчей аталыка, с которым удалился в «другую палату» с тем, чтобы поговорить с ним «тайно» (Там же, л. 151 об.–152). Ход «тайных» переговоров в посольскую книгу, к сожалению, внесен не был. Исходя из дальнейшего развития событий, можно предположить, что Ямгурчей аталык категорически отказался брать у А.Я.Щелкалова «тайные грамоты» к хану от имени государя Федора Ивановича и Б.Ф.Годунова, указывая, что не может гарантировать их сохранность. Действительно, на пути в Крым Ямгурчей аталык сильно рисковал из-за его конфликта с кланом Яшлавских. Послания были вручены послам, которые уже в Крыму тайно «в ночи» передали их Ямгурчею для передачи хану.

Следует обратить внимание на то, что русская сторона фактически «подставляла» Ямгурчей аталыка. Поведение посольского дьяка во время переговоров намеренно провоцировало Аллабердея-мурзу, но, очевидно, А.Я.Щелкалов имел инструкции от Б.Ф.Годунова.

В двадцатых числах октября, после того как стало известно о приближении крымцев к реке Сосна, где должен был проходить посольский съезд и размен, русское посольство князя М.А.Щербатова из Калуги двинула через Болхов и Новосиль к Ливнам (Там же, л. 349). Туда же, в Болхов, из Москвы была отправлена «царица» Ертуган со своими людьми. Ответственным за проведение посольского съезда «приговором государя з бояры» еще середине октября были назначены боярин князь Федор Иванович Хворостинин и бывший знаменитый фаворит Ивана Грозного оружейничий Богдан Яковлевич Бельский (Там же, л. 119 об.–120). Им придавался переводчик Посольского приказа Вельямин Степанов. Хворостинину и Бельскому надлежало следовать в Болхов, встретить там «царицу» Ертуган и отпускаемых крымских гонцов и двигаться на Новосиль. Основная часть «эскорта» должна была встретить их в Новосили. Следовало не допустить контактов в Болхове отпускаемых крымских гонцов с посланником Баубеком и «царицей» Ертуган. Все это было изложено в объемной указной грамоте Хворостинину и Бельскому (ИГУАК, №15, с. 90–91). Вскоре они получили подробные инструкции («наказную память») проведения посольского съезда и размена (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 186 об.–216 об). Главными чертами инструкций было следующее:

- русская сторона перед разменом ставила задачей проведения полномасштабных переговоров о «большом деле», т.е. о заключении русско-крымского договора;
- для обсуждения Хворостинину и Бельскому давался предварительный текст шертной записи;
- перед началом основных переговоров следовало определить их условия, приемлемые для обеих сторон, в связи с чем рассматривались различные варианты, не унижающие престиж;
- степень участия отпускаемых крымских представителей в переговорах зависела от позиции Ахмед-паши «Сулешева» и вообще от расстановки сил в крымском посольстве;
- в связи с этим предполагалось провести зондаж намерений крымской стороны путем выяснения вопроса о передаче жалования «крымским мурзам», находящимся в составе посольства, традиционным путем – путем составления их списка с Ахмед-пашой «Сулешевым»;
- Хворостинину и Бельскому следовало максимально использовать сведения, предоставляемые посланником С.Безобразовым, который должен принять участие в переговорах;
- следовало максимально обеспечить безопасность посольского съезда;
- вопрос о судьбе задерживаемых пока на подходе к Москве крымских гонцов ставился в зависимость от результатов переговоров;
- сам посольский размен должен был состояться только после завершения переговоров;
- вопрос об отпуске в Крым помимо первоначально присланных к Ливнам «Мурад-Киреевых людей» Ибрагим-мурзы «Сулешева» ставился в зависимость от хода переговоров.

В целом Хворостинин и Бельский действовали именно исходя из этой схемы и добились серьезных успехов.

В инструкции Хворостинину и Бельскому вносились коррективы. Наказная память была составлена 22 октября (Там же, л.168 об.). Между тем 28 октября в Москву прибыл гонец Ахмед-паши Аллобердей с «челобитьем об отпуске брата (Там же, л. 272). 29 октября состоялся приговор об отпуске Ибрагим-паши «Сулешева» (Там же, л. 277 об.), в связи с чем Хворостинину и Бельскому в тот же день были направлены новые инструкции – грамота от имени государя (Там же, л. 278–279 об.). Они предусматривали выполнение «челобитья» Ахмед-паши, которое «шурин наш слуга и конюший боярин воевода дворовый наместник Казанский и Астроханский Борис Федорович Годунов до нашего царского величества донес» (Там же, л. 278 об.) в качестве средства давления на организатора посольского размена с крымской стороны. 30 октября Ибрагим-паша был приведен к шерти в Москве (Там же, л. 279 об.) и в тот же день спешно выдворен из Москвы (Там же, л. 281). Вместе с ним был отпущен гонец Ахмед-паши – Аллабердей – с посланиями к нему от Годунова. Одновременно (т.е. 30 октября) Хворостинину и Бельскому была отправлена новая грамота (Там же, л. 295 об.–298 об.) с уведомлением о выезде именованного пленника, а также списки с грамот Годунова к его брату. Замечательно, что возможное недовольство отпуском Ибрагима-паши недоброжелателя «Сулешевых» Ямгурчей аталыка Хворостинину следовало «погасить» предоставлением ему новых даров (Там же, л. 298).

Шерть, принесенная Ибрагимом-пашой-мурзой «Сулешевым» (Там же, л. 279–279 об.), была опубликована Ф.Лашковым (ИТУАК, №9, док. №29, с. 43). Этот документ, несомненно, отражает не только личные обязательства именованного пленника, но и всего клана Яшлавских-«Сулешевых»: «И брату моему, Ахмед-паше князю, и мне, будучи в Крыме, с братью своею и со всем родством государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси и его землям хотети добро во всем» (Там же). Кроме того, шерть содержит недвусмысленные обязательства Ибрагима-паши-мурзы содействовать успеху посольского съезда и последующему заключению русско-крымского «докончания»: «и брату своему Ахмед паше князю говорити, чтоб он Казы Гирея царя на всякое добро наводил, и самому с ним и всему нашему родству о том радети, чтобы Казы Гирей царь на том правду учинил и вперёд на том стоял накрепко».

Окончательный «приговор» об отправлении в Крым посольства кн. М.А.Щербатова состоялся 30 октября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 300).

Посольство Щербатова между тем пребывало в Новосили. Там же находились и Хворостинин с Бельским. Там же пребывала «царица» со своими людьми (56 человек) и немногие возвращающиеся в Крым приближенные Сеадет-Гирея и Мурад-Гирея. Там же находились отпускаемые крымские гонцы во главе с Аллабердеем-мурзой Яшлавским и Ямгурчей аталык. Между тем крымское посольство уже прибыло на реку Сосна, о чем 2 ноября в Москве были получены донесения от ливенского воеводы Ивана Бутурлина (Там же, л. 443 об.). В тот же день Хворостинину и Бельскому отправляется третья грамота от имени государя с приказом немедленно («наспех») двигаться к Ливнам (Там же, л. 450 об.–453). Стремительное движение позволило русскому посольству и всем отпускаемым крымцам быть в Ливнах уже 4 ноября (Там же, л. 458; ед. хр. 21, л. 1 об.).

Подготовка к русско-крымскому посольскому съезду в Крыму

Как уже говорилось, последние донесения С.Безобразова были доставлены в Ливны в начале октября.

Отпуск Безобразова происходило в напряженной обстановке. Различные кланы крымской знати стремились включить в состав «разменного посольства» Ахмед-паши Яшлавского своих эмиссаров.

Безобразов выяснил, что наряду с Ахмед-пашой к шерти во время посольского съезда будут приведены представители (послы) калги Фетх-Гирея, его эмильдеш («молочный брат») Казы Байрам, Ак-мурза племянник, Арслана «Дивеева», Сулейман-мурза, сын неоднократно бывавшего «на Москве» в качестве гонца бека Иссея Кипчакского, двоюродный брат бека Дербыша, вероятно, сын его брата бека Касима Исмаил-мурза «Куликов». Официальным вторым «разменным послом», «заместителем» Ахмед-паши «Сулешева» являлся Джан Молла-мурза, однако, помимо этого хан направляет вместе с Ахмед-пашой свое очередное доверенное лицо.

Выбором своего эмиссара Гази-Гирей II в очередной раз продемонстрировал свои незаурядные качества мастера дипломатической интриги: им стал хорошо известный в Москве сын виднейшего казанского и крымского вельможи 40–60-х гг. Ак-Мухаммеда – оглана Ислам-оглан – «казанский новокрещенец князь Федор», большую часть своей жизни (с раннего детства) проведший в

Москве. Он вместе с братом прибыл туда в свите малолетнего Утямыш-Гирея³. Судьба его отца сложилась драматично: в бурных 50-х гг. он знавал падения и взлеты. Ак-Мухаммед-оглан (в русской посольской документации Ахмед-улан) прибыл в Казань из Крыма вместе с ханом Сафа-Гиреем. В этот период он постоянно упоминался в различных источниках, частично введенных в оборот И.В.Зайцевым (Зайцев, 2013, с. 146–147). Ак-Мухаммед-оглан вернулся в Крым в конце 1551 г. и занял видное место среди «ближних царевых людей» хана Девлет-Гирея I. Влияние Ак-Мухаммеда-оглана в Крыму сохранялось и в конце 60-х – начале 70-х гг. Русская посольская документация по связям с Крымом многократно упоминала Ак-Мухаммеда-оглана (Ахмед-улана) как «казанца» (РГАДА, ф. 123, оп.1, ед. хр. 14, л. 16). Ак-Мухаммед-оглан неоднократно просил хана Девлет-Гирея I содействовать отпуску из Москвы своих сыновей. Эти «просьбы» неоднократно оглашались крымскими гонцами в Москве. Так, на аудиенции у царевича Ивана Ивановича 5 июля 1565 г. гонец Акинчей исправлял «челобитье» «отпустить Ак-Магметовых детей» (Там же, ед. хр. 11 л. 348 об.). В доставленном в марте 1566 г. послании бека Сулеша Яшлавского Ивану Грозному московский «амиат» четко увязывал освобождение сыновей Ак-Мухаммеда-оглана с установлением «дружбы и любви» между Русским государством и Крымом. При этом Сулеш подчеркивал, что Ак-Мухаммед является аталыком второго сына хана Адыл-Гирея, а его удерживаемые в Москве сыновья – эмильдешами (молочными братьями «царевича») (Там же, ед. хр. 12, л. 113). В начале 70-х гг. в живых оставался один сын – «князь Федор».

В конечном итоге, «князь Федор» был отправлен в Крым в феврале 1572 г. с отпущенным гонцом Джан-Мухаммедом (Ян-Магметем), последним ханским гонцом, побывавшим в Русском государстве накануне крымского вторжения 1572 г. Отпуску «князя Федора» предшествовала переписка его отца с Иваном Грозным (Зайцев, 2013, с. 150–153). До 1593 г. «князь Федор» в русской посольской документации не упоминается.

Назначением Ислам-оглана хан решал несколько проблем. С одной стороны, «князь Федор», свободно владеющий русским языком, прекрасно знал московские реалии и лично был знаком со многими лицами (в том числе с проводившим размен с русской стороны Б.Бельским). С другой стороны, он «уравновешивал» неизбежные конфликты в крымском посольстве и среди сопровождающих его представителей различных крымских кланов. Однако главной его задачей являлось, судя по всему, добиться возвращения в Крым «царевичевых людей». Гази-Гирей II не без основания полагал, что Ямгурчей аталык не будет особенно усердствовать в решении этой проблемы: со многими представителями лиц из окружения Сеадет-Гирея, Мурад-Гирея и «царицы» Ертуган его связывали «особые отношения», сложившиеся за годы, проведенные на территории Русского государства.

И до, и после отправления из Крыма посольства Ишмамеля Ширинского шла глухая борьба всех крымских кланов за контроль над проведением посольского съезда. Официальным посланником с извещением об отправлении крымского посольства и отпуске С.Безобразова ханом был назначен бек Баубек Киятский, зять Дербыша Кулюкова, явно по его протекции. Это взбесило Ахмед-пашу «Сулешева», который опасался, что наряду с официальным ханским посланием Баубек может доставить личные послания Дербыша Кулюкова на имя государя Федора Ивановича и к Б.Ф.Годунову, которые могут содержать обвинения его в нелояльности по отношению к «доброму делу». Ахмед-паша Яшлавский по пути к Ливнам слал в Москву гонцов с требованием не допустить прибытия туда до отпуска Ямгурчей-аталыка и Аллабердея посланника бека Баубека Киятского. Один из этих гонцов Аллабердей почти догнал Баубека, но был задержан в Ливнах. Тем не менее, материалы его «расспросов» были доставлены в Москву. Б.Ф.Годунов счел необходимым согласиться на эту просьбу, и Баубек, следовавший в Москву, был задержан в Калуге, куда он прибыл 24 октября (ИТУАК, №14, с. 92). Затем посланник буквально за день до прибытия в Калугу отпускаемых Ямгурчей аталыка и Аллабердея-мурзы Яшлавского был отправлен в Боровск, где он и находился до момента прибытия в ноябре в Москву посольства «князя Ишмамеля Ширинского».

Сам же эмиссар Ахмед-паши Аллабердей, как мы видели, в конечном итоге прибыл в конце октября в Москву и доставил послания Ахмед-паши Б.Ф.Годунову.

Тем не менее, Ахмед-паша, не зная о благополучном исходе миссии своего эмиссара, продолжал проявлять исключительную нервозность. 27 октября в Москве было получено очередное доне-

³ В многочисленных обращениях хана Девлет-Гирея I, его старших сыновей и московского «амиата» бека Сулеша Яшлавского в 60-х гг. к Ивану Грозному с «просьбами» освободить сыновей Ак-Мухаммеда-оглана речь определенно идет о двух сыновьях [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 12, л. 113 об.].

сение ливенского воеводы И.М.Бутурлина о том, что ему через толмача посланника С.Безобразова доставлены две «грамоты татарским» письмом» от Ахмед-паши к Б.Ф.Годунову (Там же, с. 94). Разбираться с ними у Бориса Федоровича уже не было времени. Было ясно, что на посольском съезде произойдет столкновение интересов различных крымских кланов. Это одновременно и облегчало, и усложняло действия русской дипломатии. Все зависело от того, насколько Хворостинин и Бельский сумеют использовать противоречия среди представленной на посольском съезде самих представителей крымской знати.

Ход посольского съезда под Ливнами

Русское посольство к реке Сосна опоздало примерно на неделю и прибыло туда 4 ноября (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 20, л. 458–458 об.)⁴. В связи с этим крымская сторона уже при первых контактах с эмиссарами, посланными за реку Сосна ливенским воеводой И. М.Бутурлиным, выразила резкое недовольство. При этом была получена информация С.Безобразова о трудном положении Ахмед-паши Сулешева, поставившего на организацию размена весь свой престиж и опасавшегося его срыва.

Хворостинин и Бельский незамедлительно начали переговоры, первоначально послав 4 ноября в крымский лагерь своих эмиссаров – стрелецкого голову Леонтия Лодыженского и переводчика Вельямина Степанова (Там же, ед.хр. 20, л. 458 об.; ед.хр. 21, л.2).

Хворостинин и Бельский предлагали Ахмед-паше с теми лицами из его свиты, «которым можно верить», прибыть на переговоры о «большом деле» на другой берег Сосны (Там же, ед.хр. 21, л. 5–5 об.). При этом Ахмеда-пашу информировали о скором прибытии к Сосне его отпущенного брата Ибрагим-паши (Там же, л.6.).

Русские эмиссары столкнулись с явным нежеланием Ахмед-паши переезжать на другой берег, причем не сколько из соображений безопасности, столько – престижа. При этом Ахмед-паша ссылался на факт приезда «на крымскую сторону» к его брату Мураду, сопровождавшего посольство князя М.Ф.Барятинского Андрея Нагого при размене на Сейме в 1582 г. (Там же, л. 6 об.). Ахмед-паша, в свою очередь, предлагал Хворостинину и Бельскому прибыть на «крымский» берег Сосны причем с «немногими людьми» (Там же, л. 8 об.). Русские эмиссары ответили категорическим отказом (Там же, л. 9).

Для ведения переговоров Ахмед-паша 6 ноября прислал в русский лагерь своего «заместителя» Джан Моллу-мурзу. Последний вновь повторил ссылки на предшествующие размены, передав мнение Ахмед-паши, что он «своего брата Мурада-князя не хуже» (Там же, л. 11 об.). Хворостинин и Бельский жестко ответили, что ссылки на прежние обычаи не могут в данном случае иметь место, так как теперь речь идет не просто о размене, а о переговорах «о большом деле». Переговоры зашли в тупик. В тот же день Джан Молла-мурза вторично посетил русский стан, вновь повторив крымские требования (Там же, л. 16). Его сопровождал русский толмач, с которым была доставлена грамота от находящегося в крымском лагере Семена Безобразова. Последний сообщал, что крымцы находятся у реки уже 17 дней, обстановка в их стане весьма напряженная, так как часть мурз требует срыва размена и ухода в Крым. Безобразов сообщил, что только что имел обо всем этом тяжелый разговор с Ахмед-пашой (Там же, л. 18 об.).

7 ноября с утра послы планировали вновь послать за реку к крымцам стрелецкого сотника Лодыжинского. Тут весьма кстати прибыло известие об отпуске Ибрагима-паши (Там же, л. 19 об.). Послам была доставлена грамота от государя. Ибрагим-пашу предписывалось держать в Ливнах в «костроге», но немедленно известить об этом крымскую сторону (Там же, л.20). Хворостинин и Бельский отправили в крымский лагерь отпущенного из Москвы вместе с Ибрагимом-пашой «человека» «Сулешевых» – Аллабердея, ездившего с «челобитьем» об освобождении Ибрагим-паши с грамотами к Ахмед-паше от Б.Ф.Годунова (Там же, л. 20 об.). Прибытие Аллабердея с известием об отпуске Ибрагима-паши к крымцам имело неожиданный эффект; поступили сведения, что крымцы «идут полком» к Сосне. Затем в русский лагерь вновь прибыл Джан Мола-мурза, сопровождаемый С.Безобразовым (Там же, ед. хр. 20, л. 470 об.: ед. хр. 21, л. 21 об.). Джан Молла-мурза потребовал от послов немедленно ехать к реке и сообщить Ахмед-паше, когда к нему будет доставлен брат. Джан Молла-мурза также предложил послам ехать за реку для переговоров. Перего-

⁴ О ходе посольского съезда в русской посольской документации сохранились предварительные донесения послов: статейный список (Там же, ед. хр. 20, л. 458-466) и грамоты на имя государя (Там же, л. 467–469, 486 об–489). По возвращении был представлен итоговой статейный список (Там же, ед. хр. 21, л. 1–184).

воры не принесли успеха. Аргументы русской стороны, что река Сосна «не рубеж по обе стороны реки сосны земля государева», не возымели действия (Там же, ед. хр. 20, л. 472; ед. хр. 21, л. 24). Оставшийся в русском лагере С.Безобразов подтвердил Хворостинину и Бельскому принципиальный для Ахмеда-паши характер ситуации: даже если «реку Сосну запрудити золотом и отца его Сулеша князя из земли живым на берегу поставити и царицу Ер Туган и брата его Ибрагим-пашу» все равно он не намерен ехать «на ту сторону» (Там же, ед. хр. 20, л. 473). Те же аргументы Ахмед-паша повторил вновь отправленным к нему русским эмиссарам Л.Лодыжинскому и В.Степанову в своем лагере (Там же, ед. хр. 20, л. 476 об.; ед. хр. 21, л. 25 об.–27). В довершении всего, при получении грамот от государя и «государева шурина» глава рода «Сулешевых» не снял шапку, что он, впрочем, объяснил «мусульманским обычаем». Вечером вновь в русский лагерь прибыл Джан Молла-мурза с тем, чтобы вновь звать Хворостинина и Бельского «за реку» (Там же, ед. хр. 21, л. 27–27 об.). Ситуация стала приобретать тупиковый характер. Тогда в лагерь из Ливен были вызваны Ямгурчей аталык и Аллабердей-мурза, которых послы проинформировали о сложившейся ситуации (Там же, л. 29–29 об.). Попытки прибегнуть к помощи Ямгурчей-аталыка не принесли успеха: он посоветовал отправить к крымцам Аллабердея-мурзу. Последний также отказался (Там же, л. 30 об.). Встреча послов с двумя отпускаемыми из Москвы крымскими гонцами утром 8 ноября вообще выявила тяжелый конфликт между ними, вылившийся в ожесточенную перебранку (Там же, л. 31–33). После того, как крымцы были отправлены обратно в Ливны, послы устроили совещание с Безобразовым. Последний исхитрялся все это время получать информацию о ситуации в крымском лагере. Он сообщил, что по сведениям, доставленным ему «человеком» Ислам-оглана («князя Федора»), Ямгурчей аталык якобы отправил к Ахмед-паше послание, в котором советовал не соглашаться на русские предложения.

В этой ситуации русская сторона сделала ряд встречных шагов. «За реку» в очередной раз был отправлен Лодыжинский (Там же, л. 34). В принципе, Хворостинин и Бельский согласились поставить шатер для переговоров «на их стороне». Однако и здесь глава рода Сулешевых проявил неуступчивость: он не желал приезжать к ожидавшимся его русским представителям. Речь могла идти только об одновременном «съезде». Мало того, глава рода «Сулешевых» потребовал отвести русские воинские контингенты от реки.

Было решено запросить Москву, куда были отправлены развернутые донесения Хворостинина и Бельского (Там же, ед. хр. 20, л. 458–466). Первоначальная реакция Москвы была негативной: «о том вы бы Ахмед-паше сказали что на Сосне о таких великих делах говорити не пригоже». Б.Ф. Годунов отдал предпочтение в принципе давно рассматриваемому варианту встречи на мосту через Сосну.

Однако, еще до получения инструкции, вечером 8 ноября после напряженных переговоров, была достигнута договоренность о встрече на мосту. Вначале на совещании всех послов, включая прибывших из Ливен князя М.А.Щербатова и дьяка Блохина, было принято решение предложить крымцам встретиться на плотках посреди реки. Затем было предложено провести переговоры на мосту, с этим предложением в крымский лагерь второй раз за день были отправлены Лодыжинской и Степанов (Там же, ед. хр. 21, л. 37)⁵.

Ахмед-паша в конфиденциальном порядке был извещен о количестве предназначенного ему «жалования». Наконец, вечером вернувшиеся Лодыжинский и Степанов сообщили о согласии Ахмед-паши встретиться на мосту.

Посольский съезд состоялся 9 ноября «на мосту» и ознаменовался предварительными переговорами в традиционной форме произнесения обеими сторонами «речей», принесением шерти, а также переговорами уже «в шатрах» (Там же, ед. хр. 21, л. 38 об.).

При этом крымская сторона проявила исключительную неуступчивость при определении количества вооруженного «эскорта», сопровождающего Ахмед-пашу «Сулешева» и Хворостинина и Бельского к месту встречи. Почти полдня заняли препирательства русских дипломатов с эмиссаром Ахмед-паши Джан Моллой-мурзой, который требовал, чтобы русские представители съехались с «немногими людьми». В конечном итоге количество «эскорта» было определено в 18 человек.

В результате переговоры происходили на мосту через Сосну. Там же крымцы принесли шерть. Только после этого Ахмед-паша проследовал на русскую сторону, где в шатрах ему был представ-

⁵ Вопрос о том, стоял ли этот мост до прибытия посольств или он был поставлен в эти дни в русской посольской документации, не прояснен.

лен его брат Ибрагим-паша. Там же состоялся пир с обменом приветственными «речами» и было вручено государеву «жалование».

На переговоры Ахмед-паша Сулешев прибыл во главе значительной свиты крымских мурз, включавших в себя представителей наиболее известных крымских фамилий, в том числе «Куликовых» и «Дивеевых». Присутствовали эмиссар калги Фетх-Гирея, его эмильдеш Казы Байрам и Ислам-оглан, единственный из присутствующих свободно понимавший русскую речь. Однако переговоры Ахмед-паша, сам хоть и плохо владеющий русским языком, вел фактически единолично. Они были весьма продолжительными и носили напряженный характер. После обмена «речами» и констатации цели посольского съезда – достижения «великого дела»: заключения русско-крымского договора о «вечном мире» – обсуждались три главных вопроса, на решении которых настаивала крымская сторона: материального (количество «великих поминок», присылка «запросных денег» и выдача непосредственно теперь «государева жалования»), о возврате в Крым задерживаемых в Москве представителей крымской знати и о ситуации в связи с нападениями донских казаков на Азов. Последняя тема возникла в конце переговоров, уже после принесения шерти.

Русская сторона во время этих переговоров проявила себя более успешно. Хворостинину и Бельскому удалось дезавуировать основное требование крымцев – ежегодную присылку 10 тысяч рублей хану при каждом новом посольском размене после заключения «докончания». Согласие дано было в очень неопределенной форме. Впоследствии Ахмед-паша «Сулешев» неоднократно возвращался в Крыму к обстоятельствам переговоров и принесения им «шерти» на «съезде» упрекая русских послов в обмане.

Церемония принесения шерти крымцами состоялась также на мосту через Сосну (Там же, л. 56 об.)⁶.

Шерть («Шертаная запись»), принесенная 9 ноября Ахмедом-пашой и эмиссарами крымских кланов, содержащаяся в составе двадцать первой крымской посольской книги, как известно, опубликована Ф.Лашковым (ИТУАК, №9, №30, с.44–45).

Порядок приведения к шерти после Ахмед-паши крымских эмиссаров был следующим: Казы Байрам, эмильдеш калги Фетх-Гирея, Исмаил-мурза Кулюков, Ак-мурза, «Арасланая Дивеева племянник», Якши-улан, Ислам-улан, «Акмагмет уланов сын» (Исмаил оглан), Сулейман-мурза, «Иссееев княжий сын», Зиан-паша мурза «Амашуков», Джан-Молла (Янмолла-мурза) (Там же, с. 44). Таким образом, эмиссар калги шертовал вторым, представитель клана Кулюковых – третьим, клана Мансуров – четвертым, личный эмиссар хана – «казанкий новокрещенец» Ислам-оглан – пятым. Шерть была принесена «за государя своего Казы Гирея царя и калгу Фети Гирея царевича и за все царевичи и за весь Крым и за Арасланаев улус Дивеева». Упоминание в шерти Дивеева улуса фактически как особого государственного образования под властью Гиреев имело особое значение, на что неоднократно обращалось внимание в отечественной историографии (Трепавлов, 2001, с. 363).

Принесенная крымцами шерть содержала обязательство крымской стороны об отказе от нападений на Русское государство. При этом, отказ от нападений распространялся и на мурз Арсланаева улуса: «и на государеву землю войною самому царю не ходити, и царевичей, и князей и мурз с Крымскими людьми, и нагайских мурз Арасланай мурзы Дивеева с братьею, и с детьми и с племянниками с Нагайскими людьми никого не посылати» (ИТУАК, №9, с. 44).

Важным было обязательство крымской стороны обеспечивать безопасное следование посольства князя М.А.Щербатова в Крым.

Шерть фактически фиксировала порядок заключения русско-крымского договора, однако, в форме личных обязательств Ахмед-паши, который должен был по возвращении в Крым «говорити» хану, чтобы он «велел шертную грамоту написати с того списка. каков с послы прислан, и печать свою золотую к той грамоте приложил и на той бы шертной грамоте Казы-Гирей царь в головах и калга Фети Гирей царевич и все царевичи и князи и мурзы правду дали, и тое бы грамоту Казы Гирей царь с своею золотую печатью дал государевым послам, и их к государю отпустил не задержав, и своих послов к государю послал с ними вместе» (Там же, с. 45).

Детальная роспись заключения «докончания» с упоминанием «золотого нишана» была традиционной для русской посольской документации XVI столетия, но изначально трудновыполнимой, в чем собственно и заключался смысл обязательств перед Москвой главы клана Яшлавских.

Ахмед-паша действительно брал на себя не только личные обязательства, но и всего клана Яшлавских: «так же и мне Ахмед паше князю и братье моей и всему моему родству, будучи в

⁶ Подробностей этой важнейшей церемонии в статейном списке отсутствуют.

Крыму, великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям хотети добра во всем, и государя своего Казы Гирея царя калгу и царевичей, и князей, и мурз крымских на всякое добро наводити, чтобы Казы Гирей царь был с государем царем и великим князем Федором Ивановичем всеа Руссии в братстве и в дружбе в крепкой, и в любви на веки неподвижно, а лиха мне, и братье моей, и всему родству моему государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руссии и его землям, будучи в Крыму никакого не чинить, ни думати ни мыслити никоторого хитростью по сей шерстной записи, как в ней писано» (Там же).

Противоречия в шерти 9 ноября между личными обязательствами клана Яшлавских-«Сулешевых» и интересами других крымских кланов, не говоря уже о интересах хана Гази-Гирея и калги были очевидны. Несомненно, что крымская сторона, прежде всего, рассматривала шерть в плане личных обязательств Ахмед-паши, что через несколько месяцев вылилось в тяжелую ситуацию на переговорах М.А. Щербатова в Крыму.

После принесения шерти послы собирались пригласить крымцев в шатры, но внезапно Ахмед-паша вновь начал говорить. В «речах» Ахмед-паши зазвучали новые нотки: он огласил претензии Порты относительно «тесноты» Азову со стороны казаков и напомнил, что хан неоднократно просил их «убрать» с Дона (РГАДА, ф. 123, оп. 1, ед. хр. 21, л. 57 об.–58). Кроме того, «черкасы» чинят «обиды и тесноты» османским владениям «с Днепра». Наконец, был поднят вопрос о «городах на Тереке». Последовала жесткая отповедь послов, которые в обширной «речи» изложили традиционную позицию русской стороны (Там же, л. 58–61).

- «тесноту» Азову казаки с Дону чинят «без государева ведома»;
- нападения на османские владения «с Днепра» чинят «запорожские черкасы с литовскими казаками», на которых московский государь вообще не имеет влияния;
- все претензии «турского салтана» уже выслушаны посланником Г.Нащокиным и переданы государю;
- вопрос о «городах на Тереке» вообще не подлежит обсуждению, так как они поставлены «по челобитию» кабардинских князей, которые служили еще «отцу государя нашего» и «государю нашему служат»;
- вопрос о «дороге турским людям «в Шемаху» является предметом обсуждения между «государем нашим и турским салтаном»;
- «турского салтана людям» по итогам «ссылок» между Москвой и Стамбулом «помехи и тесноты чинится не будет».

Тогда Ахмед-паша начал пространно вещать о многочисленных чавушах, прибывающих «к царю от турского салтана» с требованием снести «города на Тереке», и заявил, что «турского салтана государю вашему раздражать не подобает» (Там же, л. 61–62).

Послы завершили дискуссию жестким заявлением, что у них «нет приказу» от государя говорить о таких делах (Там же, л. 62–62 об.). В ответ Ахмед-паша сделал неожиданное заявление, что и у него нет «приказу от царя говорить о таких делах» (Там же, л. 62 об.).

Вторая фаза переговоров прошла в шатрах при торжественном представлении Ахмед-паши брата Ибрагим-паши и непосредственно во время пира, устроенного всем приносившим шерть крымцам (Там же, л. 63–65 об.). Ахмед-паша изъявлял многочисленные благодарности московскому государю и получил в ответ достаточно жесткое пожелание от имени государя, чтобы он и дальше «служил» ему в Крыму. Крымская знать во время пира помалкивала. На следующий день решено было осуществить посольский размен.

Размен посольств 10 ноября проходил в несколько этапов, связанных с трудностью переправы через Сосну большого скопления людей и лошадей, и занял весь день.

В день размена возникли дополнительные трудности. Сначала Ахмед-паша «Сулешев» требовал увеличения «жалования», участвовавшим накануне в посольском съезде крымской знати. Затем начался конфликт с «князем Ишмаметем Ширинским», также требовавшим вручения ему «жалования» еще до перехода через реку Сосна. Последовали длительные препирательства, причем все это время оба посольства с обозом и «эскортом» стояли на обеих берегах. Переговоры, или точнее перебранка, Хворостинина и Бельского с Ахмед-пашой и «князем Ишмаметем Ширинским» продолжалась несколько часов (Там же, л. 66 об.–68 об.). В конечном итоге, решено было вновь «съехаться» после посольского размена.

Наконец, размен состоялся. Крымские и русские посольства перебрались через Сосну. Первыми двинулись крымцы, затем посольство князя М.А.Щербатова. За ним двинулись обозы с «поминками» и «жалованием», а потом уже отпускаемые крымцы. Отпущенные крымцы переправля-

лись в следующем порядке: сначала «царица» со свитой, потом Аллабердей-мурза с отпускаемыми гонцами от «крымской знати и «царевичей» и, наконец, Ямгурчей аталык. Последний имел время для окончательного выяснения отношений с князем Ф.И.Хворостининым о своем отказе выполнять обязательства содействия размену, принятого им в Москве. Ямгурчей аталык заявил, что, в случае его появления в крымском стане до размена, его просто напросто могли «зарезать» и что вообще «не ведает» доберется ли он живым до Крыма (Там же, л. 72 об.). На этой «оптимистичной ноте» эмиссар Гази-Гирея II завершил свою вторую миссию в Москву.

По прибытии «на русскую сторону» крымский посол «князь Ишмамать Ширинский» был немедленно препровожден в шатер, где ему было вручено государево жалование.

В соответствии с данным им «наказом» Хворостинин и Бельский в максимально короткий срок отправили крымское посольство в Москву. Удалить крымцов с берегов Сосны в Ливны удалось только 12 ноября (Там же, л. 73 об.). Сами послы остались.

Ахмед-паша «Сулешев» не спешил покидать берега реки Сосна. В тот же день, 12 ноября, он возобновил контакты с Хворостининым и Бельским, требуя увеличения количества государева «жалования», приносившим шерт эмиссарам крымских кланов (Там же, л. 74–74 об.). Ожесточенные препирательства шли весь день, через В.Степанова, многократно ездившего за реку. Ахмед-паша явно опасался, что его обвинят в чрезмерном получении «жалования». Особо он опасался эмильдеша Фетх-Гирея. Впрочем, боялся он и Исмаила-мурзы Кулюкова.

Затем разразился конфликт по поводу «двора» Ертуган и крымской эмиграции. 13 ноября из за Сосны пожаловал Ислам-оглан – «князь Федор» (Там же, л. 76 об.) с претензиями особого характера. Выяснилось, что многие ключевые фигуры из окружения Мурад-Гирея, такие как «Елмамет-аталык» и «князь» Янтимир, отказались возвращаться в Крым (Там же, л. 78 об.). Послы заняли жесткую позицию, напомнив, что заранее был обусловлен добровольный характер возвращения «царевичевых ближних людей» (Там же, л. 79 об.). Тогда «князь Федор» также выразил недовольство количеством «жалования». В тот же день за Сосну был послан Вельямин Степанов с обещанием присылки дополнительного «жалования» (Там же, л. 80 об.). Однако вскоре он вернулся, заявив, что Ахмед-паша требует в очередной раз «съехаться». Послы вновь оказались у реки и имели многочасовую бурную дискуссию с подъехавшим Ахмед-пашой относительно количества «жалования» (Там же, л. 81–83). В конечном итоге Ахмед-паша был «удовлетворен» обещаниями, что очередное «жалование» будет доставлено завтра, и только после этого, явившись в обоз посольства М.А.Щербатова, объявил, что завтра же они покинут берега Сосны. Тем не менее, в разговоре с князем М.А.Щербатовым Ахмед-паша обвинил русскую сторону в задержании посланного им в Москву с дороги гонца и обрушился с нападками на Хворостинина и Бельского (Там же, л. 189 об.–190).

В итоге, 14 ноября «на прощание» на другой берег реки Сосны было отправлено дополнительное «жалование», всем приносившим шерт мурзам (Там же, л. 83 об.).

После этого Хворостинин и Бельский, наконец, отправились в Ливны. Эпопея посольского съезда завершилась.

В целом русская сторона действовала достаточно оперативно, хотя при подготовке к размену была отмечена некоторая нерасторопность.

Следует отметить высокий уровень квалификации русских дипломатов и оперативную реакцию Москвы. Непосредственно в период размена в Москву были отправлены четыре донесения от Хворостинина и Бельского – статейный список (Там же, ед. хр. 20, л. 458–467 об.) и три грамоты (Там же, л. 469 об.–481 об., 487–489, 491–492 об.). В ответ было поручено ряд грамот от имени государя, причем очередные инструкции были доставлены в день размена. Последние инструкции Хворостинину и Бельскому были отправлены 15 ноября (Там же, л. 489 об.–490 об.), уже после завершения размена. Они касались уже ускорению движения крымского посольства к Москве. Интересно, что отправление последней грамоты было оформлено приговором Боярской думы, причем отмечено, что «государь царь и великий князь велел отписать к боярину князю Федору Ивановичу Хворостинину своею царскою рукою» – высшее выражение государевой милости (Там же, л. 489).

Факт несомненного признания заслуг ведущих участников посольского съезда с русской стороны Б.Ф.Годуновым выразился в их дальнейшей успешной карьере. Отметим, что для многих из них она развивалась именно «на крымском направлении» внешней политики Русского государства.

22 ноября в Москве были получены последние донесения Хворостинина и Бельского о том, что крымцы и посольство князя М.А.Щербатова покинули берега реки Сосна и направились в Крым 14 ноября, а они 15 ноября двинулись из Ливен к Москве вместе с крымским посольством (Там же, л. 494 об.–495).

По возвращению в Москву Хворостинин и Бельский представили развернутый статейный список (Там же, ед.хр. 21, л.1–84).

Практические последствия переговоров Хворостинина и Бельского с Ахмед-пашой на посольском съезде были весьма серьезными. Помимо того, что ознакомившись с донесениями Хворостинина и Бельского, Б.Ф.Годунов определил для себя тактику переговоров с посольством бека Ширинского, действия русских «разменных послов» существенно облегчили задачу посольству князя М.А.Щербатова. Хворостинину и Бельскому удалось дезавуировать требования крымской стороны в случае принесения Ахмед-пашой уже предварительной шерти посылать с каждым новыми русскими посольствами по 10 тысяч рублей «запросных денег» и добиться согласия главы клана «Сулешевых» на существенное снижение количества отправляемых при размене «поминок» хану и представителям дома Гиреев, а также «жалования» «ближним царевым людям». Правда, это было достигнуто путем раздачи во время посольского съезда значительного количества «государева жалования» эмиссарам крымской знати, непосредственно участвующим в посольском съезде. Крымская сторона оценила действия русской дипломатии во время посольского съезда по достоинству: на переговорах с посольством князя М.А.Щербатова в Крыму крымские мурзы обвинили Ахмед-пашу в некомпетентности и превышении полномочий, а также в сговоре с «московским».

Итак, посольский съезд был успешно проведен. Русское посольство князя М.М.Щербатова в конце декабря 1593 г. благополучно прибыло в Крым, доставив в целости и сохранности огромные материальные ценности и именитую представительницу ханской семьи. Само по себе это было успехом. Однако ход посольского события по пути в Крым, связанные с попыткой Арсланая «Дивеева» задержать в своем улусе «царицу» Ертуган, давали основание предполагать, что русским послам в Бахчисарае предстоят нелегкие переговоры. Действительно, путь к заключению в апреле 1594 года русско-крымского договора оказался исключительно тяжелым. Между тем, в ноябре 1593 г. при приеме в Москве крымского посольства выяснилось, что Гази-Гирей II не дал ему никаких полномочий для серьезных переговоров. Все должно было решиться в Крыму посольством Щербатова. Напряженная игра московской и крымской дипломатии продолжалась.

И все же решающий шаг двух сторон к установлению «добраго дела» был сделан именно в ходе посольского съезда под Ливнами. Ахмед-пашой, как ханским «разменным послом», представителями калги Фетх-Гирея и основных крымских кланов, прежде всего Арсланая «Дивеева», была принесена «предварительная» шерть, что позволило Гази-Гирею II преодолеть сопротивление части крымской политической элиты и довести дело до заключения русско-крымского «докончания».

Следующий посольский съезд состоялся только в 1601 г. под Царевым Борисовым, но уже в другой военно-политической обстановке. Его проводил также Ахмед-паша «Сулешев». Столь значительный перерыв между двумя съездами (при всех переговорах и русской и крымской сторонами 1593–1594 гг. предусматривалось, что съезды будут проходить при каждом посольском размене) объяснялся различными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими факторами, не позволившим обеим сторонам иметь возможности в их проведении. Прежде всего, следует отметить постоянное пребывание хана Гази-Гирея II на театре военных действий Порты против австрийских Габсбургов, затем очередной династический кризис в Крыму 1596–1597 гг. В Москве также последовали серьезнейшие события: кончина царя Федора Ивановича и длительный процесс избрания и утверждения на престол Бориса Федоровича Годунова. К тому же тенденция к силовому давлению на Москву, время от времени проявлявшаяся в Крыму, не позволяла начаться полноценным переговорам.

Интересно, что первоначально обе стороны высказывали заинтересованность относительно возможного повторения посольских съездов. В грамотах гонца Андрея Акинфова, которые он после прибытия в Крым передал хану от имени государя, было выражено пожелание узнать «кого послов своих к нашему царскому величеству на перемену Ишмаметя князя с товарищи пришлешь» (Там же, л. 382 об.–383). В марте 1595 г. Ахмед-паша «Сулешев» при переговорах с Андреем Акинфовым заявил, что ему надлежит «по государя твоего грамоте» вскоре «идти к Ливнам» «по прежнему договору для государя вашего послов и с послы своими а срок мне сказали быти к Ливнам после сего месяца марта в четвертом месяце в июле» (Там же, л. 455). Ахмед-паша также выразил пожелание: «Государь бы царь и великий князь Федор Иванович велел своих послов присылати на Ливны на тот же срок однолично безо всякого переводу и Ишмаметя князя наперед с его товарищи отпустил» (Там же, лл. 456–456 об.). Русская сторона исполнила только отпуск посольства Ширинского.

Традиция проведения посольских съездов не получила развития в полной мере и после 1601 г. Это связано с периодами длительной политической нестабильности как в Русском государстве так и в Крыму в начале XVII столетия. После окончания «Смутного времени» в Русском государстве традиция русско-крымских посольских съездов возродилась в новых исторических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей: служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник. 2011–2012. М., 2013.
2. Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1591–1593 годов: от конфронтации к поискам мирных решений // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С.18–50.
3. Зайцев И.В. Судьба аристократа. Ак-Мухаммед-оглан и сын его Федор // Золотоордынское обозрение. 2013. №2. С.146–156.
4. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. хранящиеся в Московском главном Архиве Министерства Иностранных дел. Публ. Ф.Лашкова // ИТУАК. 1890. №9.
5. Полное собрание русских летописей. Т.13. М., 1965.
6. Разрядная книга, 1550–1636 / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. М., 1975.
6. РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Ед.хр. 3.
7. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 15.
8. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 18.
9. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 19.
10. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 20.
11. РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом»). Оп. 1. Ед. хр. 21.
12. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т.1. М., 1946.
13. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году. Публ. Ф.Лашкова // ИТУАК. 1892. №15. С. 70–94.
14. Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 366–375.
16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Список сокращений:

- ИТУАК №9 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1890. – №9, Симферополь.
 ИТУАК, №15 – Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1892. – №15.
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
 РК 1550–1636 – Разрядная книга, 1550–1636 / Сост. Л.Ф.Кузьмина; отв. ред. В.И.Буганов. Москва 1975.

А.В. Виноградов

1593 ЕЛНЫҢ КӨЗЕНДӘ ЛИВНА ЯНЫНДА РУС-КЫРЫМ ИЛЧЕЛӘРЕ МӘҖЛЕСЕ

Мәкалә XVI гасырның соңгы чирегендәге Рус-Кырым мөнәсәбәтләренә кискен борылышы булган Ливна янындагы Рус-Кырым илчеләре мәҗлесенә багышлана. Анда Кырым ханлыгы һәм Рус дәүләте арасында ярты елдан соң Бахчасарай килешүе белән беркетеләчәк тынычлык турында сөйләшү буенча килешүгә ирешелә.

Ачык сүзләр: Рус-Кырым мөнәсәбәтләре, Кырым ханлыгы, илче приказы, Гәрәйләр.

A.V. Vinogradov

THE RUSSIAN-CRIMEAN AMBASSADORIAL CONGRESS UNDER LIVNY IN THE AUTUMN OF 1593 YEAR

Article is devoted to a turning point in the Russian-Crimean relations of the last quarter of the XVI century – to the Russian-Crimean ambassadorial congress under Livny on whom the preliminary peace agreement between the Crimean khanate and the Russian state fixed in half a year by the Bakhchsarai contract of 1594 was reached.

Keywords: Russian-Crimean relations, Crimean khanate, ambassadorial order, Girei.

Сведения об авторе:

Виноградов Александр Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской Академии наук (г.Москва); E-mail: avinogradov1957@yandex.ru

Виноградов Александр Вадим улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясенә Россия тарихы институты өлкән фәнни хезмәткәре (Мәскәү шәһәре).

Vinogradov Aleksandr Vadimovich – Cand. Sci. (History), the senior scientific employee of the Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences (Moscow).